

Лызлова А. С. Богатырь Бур в севернорусской сказочной традиции // Сказка в фольклоре, литературе и искусстве. Традиционное и новое / ред.-сост. Л. В. Фадеева ; науч. ред. Л. В. Фадеева, Т. В. Хлыбова. М. : ГИИ, 2020. С. 153–160.

Морозова М. Н. Антропонимия русских народных сказок // Фольклор. Поэтическая система / отв. ред. А. И. Баландин, В. М. Гацак. М. : Наука, 1977. С. 231–241.

РСПК — Русские сказки Пермского края в записях конца XX — начала XXI в. / отв. ред. А. В. Черных. СПб. : Маматов, 2020.

Смирнов, 2017 — Великорусские сказки : сб. А. М. Смирнова : в 2 кн. Иваново : Роща, 2017.

Соколовы, 1915 — Сказки и песни Белозерского края / записали Борис и Юрий Соколовы. М. : Отд. рус. яз. и словесности Имп. АН, 1915.

Терещенко А. В. Структурные модели фольклорных и исторических антропонимов: на материале русских народных сказок и архивных документов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. Вып. 7 (172). С. 101–106.

Gábor Gyóni (Г. Дьёни)

Университет им. Лоранда Этвеша

Будапешт, Венгрия

gyoni.gabor@btk.elte.hu

<https://orcid.org/0000-0003-4489-7537>

Ловушки языкознания: тюркология, история и идеология в исследовании ранней истории мадьяр

В статье рассматривается исторически сложившееся в венгерской науке и идеологически обусловленное противостояние «тюркской» и «угорской» концепций древней истории мадьяр.

К л ю ч е в ы е с л о в а: языкознание; древняя история мадьяр; политика науки; историография; тюркология; археология

Тюркология занимает особое место в исследовании древней истории мадьяр в венгерской историографии. Это связано с объективными причинами, поскольку в венгерском языке имеется достаточно весомый пласт тюркских заимствований, которые попали в венгерский язык еще до обретения родины, до X в. Значение этих слов ввиду отсутствия

необходимых письменных источников огромно, поскольку выявляемое на основе лексики место и время тюркско-венгерских языковых контактов может пролить свет на многие вопросы древней истории мадьяр. Примечательно, что среди тюркских заимствований в венгерском языке многие связаны с земледелием (*sarló* ‘серп’, *szőlő* ‘виноград’), животноводством (*ökör* ‘корова’, *kecske* ‘коза’), со сферой общественно-политической жизни (*sereg* ‘войско’, *bűn* ‘вина’, большинство венгерских племенных названий, таких как *Jenő*, *Kér*, *Kürtgyarmat* и т. п.) [Ligeti, 1986, 188–192]. Это свидетельствует о том, что тюркоязычные группы оказывали огромное влияние на хозяйственную и политическую жизнь древних мадьяр. Многие из заимствованных тюркских слов в венгерском языке принадлежат к «булгарской» группе, они характеризуются ротацизмом и ламбдацизмом (например, *tenger* ‘море’, *szél* ‘ветер’) [Там же, 9–50], поэтому предполагается, что они (по крайней мере, их часть) связаны с волжскими булгарами и Поволжьем.

В Венгрии с XIX в. сформировалась сильная, международно признанная школа тюркологии, самыми известными представителями которой были А. Вамбери, Г. Балинт, Д. Месарош, Д. Гомбоц, Д. Немет и др. В силу историографических причин тюркология в Венгрии имела «патриотический» образ. Это связано с тем, что венгерская общественность неохотно принимала постулат о финно-угорском родстве мадьяр и предпочитала более «славных» родственников в лице имперообразующих степных народов. Это и есть идеологический контекст знаменитых «тюркско-угорских» научных войн в Венгрии. В этих «войнах» тюркологи во главе с А. Вамбери представляли «патриотический» лагерь, считая, что венгерский язык не финно-угорский, а тюркский, и венгры не северный народ, а южный. Против этого выступали финно-угроведы — многие из них были людьми немецкого происхождения (Й. Буденц, П. Хунфалви), что тоже придавало «нездоровую» окраску этим войнам. В академической науке восторжествовала финно-угорская теория (которая, конечно, больше, чем теория), но в том числе благодаря этим спорам в Венгрии возникла и развивалась сильная школа тюркологии.

В последние 80–100 лет тюркологи играли ведущую роль в изучении древней истории мадьяр, и не только в интеллектуальном, но и в институциональном смысле. Между двумя мировыми войнами исследование древней истории мадьяр фактически курировал тюрколог Л. Лигети.

После 1945 г. единственный специальный институт, занимающийся древней историей мадьяр, был создан при Сегедском университете, и во главе его стоял тюрколог, ориенталист А. Рона-Таш. Благодаря Лигети и Рона-Ташу появились новые поколения тюркологов-ориенталистов, которые тоже сделали себе имя в науке (И. Вашари, А. Берта и др.).

То, что научный дискурс о ранней истории мадьяр в значительной степени определяли тюркологи, имело научно-политическую подоплеку: постоянно демонстрировалось, что важные исследования находятся «в надежных руках». К этому следует добавить, что археология могла (и может) предоставить данные относительно ранней истории мадьяр только и исключительно во взаимосвязи с российской археологией. Все венгерские археологи (А. Барта, И. Эрдейи, И. Фодор), которые в 1950–1980-х гг. занимались изучением древней истории мадьяр, получили образование в СССР и хорошо знали российскую и советскую научную литературу. Они так или иначе представляли российскую историографическую традицию, их работы закономерно внедрялись в «тот» дискурс (что естественно, ведь в Венгрии не могло быть самостоятельного научного дискурса относительно, скажем, неволинской археологической культуры).

Однако имеются кардинальные различия между схемами, выдвигаемыми венгерской тюркологией, и тем, что предлагается на основе комплекса российского научного знания.

Часть вышеупомянутых тюркских заимствованных слов в венгерском языке свидетельствует о том, что предки венгров довольно рано, уже с V–VI в., жили на юге (*som* ‘кизил’, *szőlő* ‘виноград’, *bor* ‘вино’ — таких растений нет в Приволжье). Интересно, что определенный пласт тюркских заимствованных слов связан с земледелием (*eke* ‘плуг’, *búza* ‘пшеница’). Неужели венгры, а также другие народы Волжско-Уральского региона унаследовали эти слова и культуру пашенного земледелия от волжских булгар, еще недавно ведших кочевой образ жизни? В связи с этим интересно предположение о том, что часть данных слов (*disznó* ‘свинья’, *sarló* ‘серп’), возможно, имеет не булгаро-тюркское происхождение, а «ареальное» — их можно найти в разных языках Волжско-Уральского региона, и только в них (как вышеупомянутые *disznó* и *sarló*). [Дьёни, 2019]. Эти слова, безусловно, свидетельствуют о том, что предки венгров некогда действительно обитали в Волжско-Уральском регионе.

Однако исторические и археологические данные не подтверждают того, что предки венгров уже с VI в. жили в степном регионе и уже тогда вели оседлый образ жизни (в составе салтово-маяцкой археологической культуры). Нет ни одного достоверного письменного источника, упоминающего мадьяр до IX в. Однако имеется немало данных о мадьярах, живших в Волжско-Уральском регионе (например, отчет Риккарда; упоминание можар в русских источниках; в отрывках в самой венгерской историографической традиции, в Гесте Анонима). Венгерский археологический комплекс X в. имеет параллели с культурами Приуралья и Зауралья, большей частью исчезнувшими в IX в., и днепровским субботицким горизонтом, появившимся не ранее IX в. Действительно сенсационным открытием последних лет стало то, что удалось доказать связь между венграми Карпатского бассейна и уральскими группами (вероятно, мадьярами) в X в. [Жомар, 2018, 196–198; Gyóni, 2019, 32]. Языковые данные — «волжско-уральские слова», обилие пермских заимствованных слов в венгерском, потенциальное наличие венгерского топонимического пласта в Приуралье — также указывают на Волжско-Уральский регион.

Тем не менее в эпоху «царствования» тюркологов венгерские исследователи были вынуждены корректировать свои взгляды в соответствии с предлагаемой первыми схемой. Это не просто интеллектуальный, но идеологический спор, где с одной стороны стоят венгерские патриоты-тюркологи, а с другой стороны — исследователи с багажом знаний русско-советской научной традиции.

Хорошим примером является диссертация венгерского археолога И. Фодора, в которой он был вынужден скорректировать свои взгляды относительно появления мадьяр в южнорусской степи из-за критики тюркологической школы [Róna-Tas, 1995, 153–166]. Концепция Фодора интересна тем, что предлагает некий компромиссный вариант между «российской» и «венгерской» схемами, полагая, что венгры покинули Волжско-Уральский регион в VII–VIII вв. Правда, И. Фодор так и не смог дополнить реальными историческими или археологическими данными существующую лакуну: где же следы предков венгров в VIII в. в степном регионе? Неслучайно почти никто не принял эту концепцию, и в связи с последними открытиями понемногу рушится предлагаемая схема «тюркологов» (хотя в тех научных центрах, где они имеют сильные позиции, например в Сегеде, сопротивление еще продолжается).

Бросается в глаза то, что венгерские исследователи, которые учились в СССР, на родине со временем оказывались на периферии или забывались, их чаще цитируют в России, чем в Венгрии (см. научное наследие А. Бартала, П. Вереша, И. Эрдейи).

Трудно быть иностранным ученым в другой стране, даже в России, — и оказывается, что трудно быть не только венгерским историком в России, но и венгерским историком в Венгрии, если у тебя российский багаж знаний. Я не назвал бы это русофобией — наверное, политика науки во всех странах такова, что старается защищать отечественные позиции.

Что касается роли языкознания в исследовании древней истории, то в венгерской историографии стало модным говорить об ее уменьшении в пользу археологии: мол, устарел взгляд, что историю народа можно и нужно рассматривать через призму истории языка [Türk, 2020]. Однако главным этническим признаком до становления современных наций остается все-таки язык. Это культурный феномен, который определяет этнос, — археология в этом отношении является вспомогательной наукой. Древние мадьяры в этническом смысле — это те люди, которые говорили на древневенгерском языке. Другое дело, что в политический корпус древневенгерского государства входили не только мадьяры (точно известны кабары), — но в том, что этнос и политиком не всегда совпадают, нет ничего нового или удивительного.

Дьёни Г. Имя, народ, история // Этнолингвистика, ономастика, этимология : материалы IV междунар. конф. (Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 121–122.

Комар А. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest : MTA, 2018.

Gyóni G. A magyarság hajnalán. Budapest : MTA, 2019.

Ligeti L. A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest : MTA, 1986.

Róna-Tas A. A magyarság korai története. Szeged : JATE, 1995.

Türk A. Ma sincs válasz arra, miért indult nyugatra a magyarság // Mandiner. 2020. június 22. [Электронный ресурс]. URL: https://mandiner.hu/cikk/20200622_turk_attila_interju (дата обращения: 20.04.2022).